

А. И. ШТРАХОВ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДА ЛА-ПЛАТЫ В 1810—1816 ГОДАХ

25 мая 1960 г. народ Аргентины вместе с другими народами Латинской Америки торжественно отпраздновал 150-летие Майской революции 1810 г., приведшей к освобождению Ла-Платы от испанского колониального ига и образованию суверенного аргентинского государства.

Вопрос о причинах, характере и движущих силах освободительного движения в Испанской Америке давно уже привлекает внимание исследователей многих стран, особенно латиноамериканских. Вокруг этого вопроса развернулась острая борьба между прогрессивными и реакционными взглядами. Такая борьба происходит и в современной аргентинской историографии.

Прогрессивные аргентинские историки и общественные деятели (Эктор Агости, Бенито Марианетти, Фернандо Надра, Роберто Ортис и др.) в ряде трудов освещают с марксистско-ленинских позиций историю своей страны. Но, к сожалению, среди этих трудов пока еще нет крупных исследований, которые были бы специально посвящены освободительному движению на Ла-Плате в 1810—1816 гг.

В аргентинской буржуазной историографии в настоящее время имеется два наиболее значительных направления. Первое из них обычно называют официальной традиционалистской, или классической, школой. По словам ее признанного руководителя выдающегося аргентинского историка и правоведа Рикардо Левене, она намерена продолжать работу, начатую либерально-позитивистской школой Митре¹. Наиболее крупными представителями традиционалистской школы являются Рикардо Левене, Равиньяни, Торре Ревельо, Левильер, Руис Гиньасу, Пикчирильи. В их многочисленных исследованиях использованы новые архивные данные. Собранный ими материал весьма интересен, и многие их работы могут служить в качестве источников при изучении истории Аргентины. Однако в выводах и обобщениях традиционалисты не идут дальше своих предшественников — крупнейших историков Аргентины XIX в. Митре и Лопеса².

Второе направление в аргентинской буржуазной историографии именует себя «историческим ревизионизмом», а по существу является консервативно-клерикальной школой. Общим для ведущих его представителей (Энрике де Гандиа, Эрнесто Паласио, Федерико Ибаргурен и др.) является стремление пересмотреть те положительные оценки, которые дала прогрессивная и либеральная историография выдающимся деятелям и важнейшим событиям в истории Аргентины, возвеличить самые отрицатель-

¹ R. L e v e n e. Lecciones de historia argentina, t. I—II. Buenos Aires, 1947, t. I, p. 15.

² Основные работы этих авторов: B. M i t r e. Historia de Belgrano y la independencia Argentina, t. I—IV. Buenos Aires, 1927; его же. Historia de San Martin y de la emancipación sudamericana, t. I—V. Buenos Aires, 1944; V. F. L o p e z. Historia de la Republica Argentina, t. I—VIII. Buenos Aires, 1957.

ные и реакционные стороны прошлого страны (вроде кровавой диктатуры Росаса), чтобы тем самым оправдать и поддержать такие же явления в настоящем.

В своем главном «теоретическом» труде «Ревизия аргентинской истории» Гандиа объявляет высшим идеалом консервативно-клерикальной школы «национализм», который он определяет как «долг, обязанность следовать своей судьбе»³. Другой представитель аргентинских историков-«ревизионистов» Федерико Ибаргурен считает их главной задачей «восстановление и новую интерпретацию традиций отечества, искаженных нашей либеральной историей»⁴. Свои рассуждения о «традициях отечества», под которыми он имеет в виду деятельность католической церкви, колонизаторов и диктаторов, Ибаргурен подкрепляет «философскими» построениями Н. Бердяева — известного мистика, белоэмигранта.

Следует, однако, подчеркнуть, что и «традиционалисты» и «ревизионисты» одинаково положительно оценивают испанское колониальное господство на Ла-Плате. Идеализация конкисты и «испанской цивилизации» выливается у них в идеализацию колониального режима и деятельности католической церкви. Одновременно они оправдывают преступления конкистадоров и их потомков «энкомендерос» по отношению к индейцам⁵. Некоторые аргентинские историки совершенно искажают сущность испанского законодательства, относящегося к колониям в Америке. Особенно выделяются здесь работы Р. Левене, который фактически возглавил в данном вопросе единый фронт реакционной буржуазной историографии, утверждая, что «Америка никогда не была колонией»⁶.

Оправдание испанского колониального режима определяет и отношение «ревизионистов» к освободительной борьбе на Ла-Плате в 1810—1816 гг. Так, Э. Паласио в небольшой главе, посвященной Майской революции, ограничивается лишь хронологическим пересказом событий. Тенденция преуменьшить прогрессивное значение освободительной борьбы аргентинского народа в первой четверти XIX в., скрыть ее революционную, социальную и даже антиколониальную направленность характеризует и многие другие работы современных реакционных аргентинских историков. И Ибаргурен и Гандиа считают, что основная цель Майской революции заключалась якобы в борьбе против наполеоновской Франции. Деятели Мая, пишет Э. Гандиа, были «добрыми католиками и добрыми испанцами, готовыми остаться подданными испанской империи»⁷. Касаясь предпосылок освободительного движения 1810—1816 гг., он категорически отрицает какое бы то ни было влияние местных факторов и утверждает, что единственной первопричиной этого движения были события в Испании⁸. «В 1810 г. никто не хотел независимости, так как она была чем-то абсурдным и непонятым»⁹, — таков окончательный вывод Э. Гандиа.

Стремясь принизить прогрессивный характер освободительного движения, аргентинские «ревизионисты» всячески чернят его наиболее выдающихся деятелей. Так, например, Ибаргурен называет Морено террористом, продавшимся Англии, «креольским Макиавелли». Кастилья и Монтеагудо он именует палачами, а Б. Ривадавиа, по его словам, всю жизнь оставался «просвещенным деспотом» и мог быть лишь министром бурбонских королей¹⁰. Вторя ему, другой аргентинский «ревизионист» выпустил даже

³ E. de Gandía. La revisión de la historia argentina. Buenos Aires, 1952, p. 25.

⁴ F. Ibarguren. Así fué Mayo. Buenos Aires, 1956, p. 91.

⁵ E. Palacio. Historia de la Argentina 1515—1957, t. I—II. Buenos Aires, 1957, t. I, p. 71.

⁶ R. Levene. Las Indias no eran colonias. Buenos Aires, 1951; его же. Historia del derecho argentino. 8 vols. Buenos Aires, 1945—1954.

⁷ E. de Gandía. La revisión de la historia argentina, p. 27.

⁸ E. de Gandía. Las ideas históricas de Ignacio Nuñez.—В кн.: I. Nuñez. Noticias históricas, t. I—II. Buenos Aires, 1952, t. I, p. XIV.

⁹ Ibid., p. XLVII.

¹⁰ F. Ibarguren. Así fué Mayo, p. 19—22, 33, 58, 104, 137.

специальную книгу под названием «Ривадавия — разрушитель национальности»¹¹.

Что касается Сан-Мартина, то «ревизионисты» и не пытаются дать должную оценку возглавлявшимся им освободительным походам. Э. Паладио в предисловии к первому изданию своей книги¹² заявляет, что поскольку они происходили за пределами аргентинской территории, то нет нужды и заниматься ими. Во втором издании своей книги изложению этих походов он отводит в нескольких местах по две-три строчки. Ф. Ибаргурен уделяет Сан-Мартину больше внимания, но также совершенно не касается его походов. Извращая исторические факты, Ибаргурен пишет, что цель приезда Сан-Мартина на Ла-Плату состояла якобы в том, чтобы «спасти Испоаномерику от оккупации» ее войсками Наполеона. Ибаргурен утверждает далее, что, поскольку Сан-Мартин воспитывался в Испании, он будто бы «не знал жизненных проблем нового континента, так же как и подлинных социологических мотивов, определивших вооруженное восстание народов Ла-Платы»¹³.

В противоположность «ревизионистам» представители традиционалистской школы непомерно возвеличивают и идеализируют вождей освободительного движения Ла-Платы. В то же время они сильно недооценивают роль социально-экономических факторов в возникновении войны за независимость и замалчивают активное участие в ней народных масс¹⁴.

Но особенно злостно фальсифицируют роль народных масс в освободительном движении «ревизионисты». Так, Ибаргурен утверждает, что революционные правительства Ла-Платы якобы не пользовались поддержкой народа¹⁵. Как и другие «ревизионисты», он совершенно «забывает» упомянуть о городских ремесленниках, сельских гаучо, индейцах, неграх — всех тех, как правило, добровольцах, которые составляли вооруженные отряды, одержавшие столь славные победы над испанскими колонизаторами при Тукумане, Сан-Николасе, Сальте, Чакабуко, Майпу и в других местах.

Консервативно-клерикальные историки утверждают также, что в возникновении и развитии освободительного движения на Ла-Плате влияние экономики, в том числе и вопросов торговли, было ничтожным или даже равнялось нулю¹⁶. В действительности же исторические факты говорят о совершенно противоположном.

Испанское колониальное господство являлось сильнейшим тормозом экономического развития Ла-Платы. Тяжелыми путами сковывали ее хозяйство многочисленные таможенные пошлины, налоги и торговые монополии королевской казны. Политика Испании по отношению к колонии сводилась к тому, чтобы не допустить здесь развития конкурирующих с предприятиями метрополии отраслей хозяйства. Однако эта политика не всегда достигала своей цели.

В то время как в Буэнос-Айресе главным занятием населения служила торговля и все связанное с ней, в городах внутренних областей положение было иным: здесь получили определенное развитие отдельные виды местной промышленности. В Кордобе действовали многочисленные мануфактуры и мастерские по обработке шерсти, росли мукомольные предприятия; в Сантьяго-дель-Эстero изготовлялись шерстяные ткани, в Катамарке и Ла-Риохе — хлопчатобумажные, в Тукумане и Сальте — шелковые ткани, обувь, упряжь; Мендоса и Сан-Хуан снабжали все провинции вице-королевства своими винами и сухофруктами; в Корриентесе изготовлялись корабельные снасти; на корабельных верфях в Корриентесе, Монтевидео и

¹¹ E. Pierotti. Rivadavia destructor de la nacionalidad. Buenos Aires. 1957.

¹² E. Palacio. Historia de la Argentina (1515—1938). Buenos Aires. 1954.

¹³ F. Ibarguren. Así fue Mayo, p. 110—111.

¹⁴ См., например, R. Levene. Ensayo histórico sobre la revolución de Mayo y Mariano Moreno. Buenos Aires, 1920; R. Rojas. El santo de la espada. Vida de San Martín. Buenos Aires, 1950, и др.

¹⁵ F. Ibarguren. Así fue Mayo, p. 39.

¹⁶ См., например, E. de Gandia. La revisión de la historia argentina, p. 26—27.

Парагвае строились суда и все большее развитие получали примитивные предприятия по засолке мяса — «саладерос»¹⁷. В этих и во многих других городах проживало значительное количество ремесленников и кустарей.

Таким образом, на Ла-Плате, хотя и в слабой степени, все же шел процесс развития капиталистических отношений. Но, конечно, на всем протяжении колониального периода здесь господствовали докапиталистические отношения.

Со времени завоевания испанцами нынешних аргентинских земель эксплуатация коренного населения базировалась здесь главным образом на внеэкономическом принуждении, принявшем феодально-крепостническую форму системы энкомьенд; она заключалась в сборе подушной подати с индейцев, а также в принуждении их к несению личных повинностей в пользу помещиков.

Индейцы, жившие на землях, подчиненных непосредственно королевским чиновникам (так называемые королевские редукции), кроме подушной дани должны были нести трудовую повинность, отбывая ее на строительстве дорог, различных сооружений и главным образом на рудниках и в каменоломнях.

Система энкомьенд и других форм эксплуатации вела к физическому уничтожению индейцев. Так, по данным современников, в первоначальный период завоевания провинции Куйо (1561—1562 гг.) в энкомьендах было 100 тыс. индейцев; приблизительно через 100 лет (к 1662—1674 гг.) их осталось всего лишь около 5 тыс. человек¹⁸.

Так же бесчеловечно, как помещики, эксплуатировала индейцев и католическая церковь. В созданных иезуитами «миссиях», или «редукциях», в 1702 г. было 114 599 индейцев. В течение последовавших затем приблизительно 40 лет, несмотря на увеличение количества «редукций», их население сократилось до 73 762 человек. И, наконец, лишь за первые месяцы 1764 г. в иезуитских «миссиях» губернаторства Буэнос-Айрес сошло в могилу более 15 тыс. индейцев¹⁹. Эти данные наглядно иллюстрируют «миссионерскую» деятельность католической церкви и ее орденов, прежде всего иезуитов, на Ла-Плате.

В результате длительного процесса разложения энкомьенд значительная часть закрепощенных индейцев путем всевозможных кабальных авансов и ссуд превратились в «пеонов», т. е. долговых рабов, часто работавших на помещиков лишь за кусок хлеба.

Зверская эксплуатация привела к истреблению значительной части индейцев Ла-Платы. Рабочих рук уже не хватало. Начался интенсивный ввоз на Ла-Плату африканских негров-рабов.

Большая часть негров, ввозившихся на Ла-Плату, использовалась на плантациях Тукумана. К 1778 г. здесь насчитывалось более 44 тыс. свободных негров, самбо (дети от браков индейцев и негритянок) и мулатов (дети от браков белых с негритянками) и 11,4 тыс. рабов, в Куйо — 25,5 тыс. негров и мулатов, в Буэнос-Айресе — 8,6 тыс. негров, мулатов и самбо, в Корриентесе (1760 г.) — свыше 1,5 тыс. негров и мулатов²⁰. Таким образом, всего к концу XVIII в. на Ла-Плате имелось более 90 тыс. негров, мулатов и самбо. Труд негров применялся во всех отраслях хозяйства: в земледелии, скотоводстве, в домашнем услужении, в торговых предприятиях, а также в ремесленных мастерских.

¹⁷ V. P. Lopez. *Historia Argentina*. Buenos Aires, 1934, p. 184—185; R. Levene. *A History of Argentina*. Chapel Hill, 1937, p. 123.

¹⁸ См. J. A. Verdaguér. *Cuyo antes de la creacion del virreynato del Rio de la Plata*.— «*História de la Nación Argentina*», t. I—X. Buenos Aires, 1939—1955, t. III, p. 378.

¹⁹ G. Furlong Cardiff. *Las misiones jesuíticas*.— «*Historia de la Nación Argentina*», t. III, p. 419.

²⁰ J. Torre Revello. *Sociedad colonial en el siglo XVIII*.— «*História de la Nación Argentina*», t. IV, 1 sección, p. 361.

К началу XIX в. эксплуатируемая часть населения в деревне состояла из негров-рабов, пеонов, гаучо — свободных пастухов, немногочисленной прослойки свободных мелких крестьян (чакрерос), как правило, обрабатывавших совместно с членами своих семей арендованную землю²¹. В городах эксплуатируемой частью населения являлись домашние рабы, рабы-ремесленники, пеоны, часть свободных рабочих и свободных ремесленников, торговые служащие.

Среди господствующих классов колониального общества также имелись весьма различные по своему происхождению и положению группировки. Хотя креолы — потомки конкистадоров, родившиеся в Америке, — номинально и были приравнены в правах к уроженцам метрополии, фактически они лишь в очень редких случаях занимали в административном управлении посты, обеспечивавшие им подлинную власть и высокое жалование. Это оставалось привилегией уроженцев Испании, которые наряду с католической церковью были самой надежной опорой монархии и колониального режима.

Выходцы из среды креолов составляли основную массу местной интеллигенции: адвокатов, нотариусов, учителей и т. п. Они занимали средние и мелкие посты в колониальной администрации, служили в королевских войсках и в местной милиции, были священниками. В руках креольской и метисской буржуазии находилась внутренняя торговля страны, которую думали ограничительные меры метрополии. Именно креольская часть помещиков, буржуазии и интеллигенции приняла активное участие в освободительном движении, будучи кровно заинтересованной в ликвидации испанского владычества и установлении своего собственного господства.

Развитию освободительного движения в испанских колониях в Америке способствовало проникновение на Ла-Плату передовых политических и экономических идей того времени. Живым примером испанским колониям служила борьба за освобождение английских колоний в Северной Америке. Однако она имела на Ла-Плате «более опраниченный, более узкий резонанс, чем Французская революция»²². Тщетными оказались все старания мадридского двора изолировать свои колонии от внешнего мира, не допустить проникновения туда передовых идей. Всевозможными нелегальными путями на Ла-Плату попадали и широко распространялись письма, книги и рукописи, сообщавшие о событиях во Франции, пробуждавшие в колонии надежды на новую жизнь и освобождение.

Несмотря на суровые преследования со стороны испанских властей, заговоры против колониального режима следовали один за другим и нелегальные издания и сведения продолжали проникать на Ла-Плату. Наплыв запрещенных изданий принял такие размеры, что 17 августа 1799 г. вице-король Ла-Платы издал приказ, в котором констатировалось, что в столицу и другие пункты ввозятся «определенные иностранные бумаги из различных частей Европы, а также из вражеских учреждений Америки», содержащие не только «одиозные сообщения о восстаниях, революциях и низвержениях установленных правительств», но и «лживые и оскорбительные для Испанской державы факты»; дальше в приказе говорилось, что «названные издания следует передавать властям под страхом денежного штрафа»²³.

В частных и университетских библиотеках Буэнос-Айреса, Кордовы, Чукисаки и других крупных центров вице-королевства имелись произведения Монтескье, Дидро, Вольтера, Руссо, английских буржуазных экономистов. С ними хорошо были знакомы М. Бельграно, М. Морено. Б. Мон-

²¹ М. А. Cárcano. *Evolución histórica del régimen de la tierra pública 1810—1916*. Buenos Aires, 1917, p. 24.

²² R. R. Caillet-Bois. *El Río de la Plata y la Revolución Francesa*. — «Historia de la Nación Argentina», t. V, 1 sección, p. 148.

²³ *Ibid.*, p. 51.

теагудо и многие другие деятели аргентинского освободительного движения. Именно под их воздействием М. Морено написал в 1802 г. свою «Диссертацию о личной повинности индейцев вообще и, в частности, о янаконах и митайосах», а затем составил знаменитый «Меморандум скотоводов». Спустя несколько лет он же впервые на Ла-Плате издал «Общественный договор» Руссо, написав к нему предисловие.

Выдающийся деятель аргентинского освободительного движения Б. Монтеагудо писал в те времена: «Революция английских поселений в Северной Америке и мощный набат, несшийся из Франции по всему миру, разбудили в испанских колониях дух сопротивления. Энтузиазм, с которым обе эти страны призывали человеческий род войти в эпоху великих событий, заставил южноамериканцев задуматься о своей судьбе»²⁴.

Испанское колониальное господство в Южной Америке подтачивалось также давним соперничеством Испании и Англии. Слабость феодально-абсолютистской Испании возбуждала у быстро развивавшейся буржуазной Англии стремление прибрать к своим рукам испанские владения в Америке. Однако двукратная (в 1806 и 1807 гг.) попытка Англии превратить Ла-Плату в свою колонию потерпела полный провал в результате героического сопротивления местного населения высадившимся регулярным английским войскам.

Отражение попыток Англии захватить Ла-Плату, вторжение в 1808 г. в Испанию войск Наполеона и пленение им царствовавшей испанской династии ускорили развитие революционных событий во всей Америке и, прежде всего, на Ла-Плате. У жителей колоний быстро росла уверенность в своих силах, стремление к освобождению от любого чужеземного господства.

8 января 1809 г. власти Буэнос-Айреса признали над собой верховную власть Севильской центральной хунты, правившей в Испании от имени Фердинанда VII. Однако единство между Испанией и Ла-Платой, проявлением которого как бы являлось это признание, стало теперь в значительной мере призрачным. Колониальная система доживала свои последние дни. Об этом красноречиво свидетельствовали и восстания в городах Верхнего Перу, входившего в состав вице-королевства Ла-Платы. Они являлись непосредственным отражением назревавшей борьбы за независимость.

25 мая 1809 г. вспыхнуло восстание в г. Чукисаке. Поводом для начала выступления здесь явились раздоры между представителями городской административной верхушки. В то время как губернатор и епископ выступали за признание власти Севильской хунты, аудиенсия (судебные власти) Чукисаки возражала против этого. В восстании приняли участие широкие слои населения: военные, студенты университета и плебс. Возглавили его Хуан Антонио Ареналес, офицер, испанец по рождению, и Бернардо Монтеагудо²⁵. Восставшие отстранили от власти губернатора и, обвинив его в стремлении передать область Верхнего Перу под власть португальско-бразильского двора, посадили в тюрьму.

Однако вспыхнувшее в Чукисаке восстание было стихийным и совершенно изолированным. Это привело к тому, что повстанцы, захватившие власть в городе, не смогли долго противостоять посланным сюда из Буэнос-Айреса карательным отрядам. 24 декабря 1809 г. буэнос-айресские войска под командованием испанского маршала Ньето (занимавшего в то время пост губернатора Монтевидео) вступили в Чукисаку. Прежняя власть была восстановлена. Ареналес, Монтеагудо и другие руководители восстания были отправлены в тюрьму в перуанский порт Кальяо. Но восстание в Чукисаке положило начало партизанской борьбе индейцев почти всего Верхнего Перу, получившей название «движение републикет» и длившейся вплоть до 1825 г.

²⁴ R. R. Caillet-Bois. El Rio de la Plata y la Revolución Francesa, p. 148.

²⁵ E. Finot. Nueva historia de Bolivia. Buenos Aires, 1946, p. 140—141.

Под непосредственным воздействием событий в Чукисаке 16 июля того же года началось восстание против колониального режима в другом крупном центре Верхнего Перу — г. Ла-Паса. Восставшие отстранили от власти губернатора и епископа, создали так называемую Хунту Туитива (защитающую права народа). Во главе этой хунты встал один из виднейших руководителей восстания Педро Доминго Мурильо. Важную роль в ней играл священник Хосе Антонио Медина²⁶.

Хунта обратилась к народу с воззванием, являющимся одним из самых выдающихся документов той эпохи. В нем, пожалуй впервые, прямо говорилось о главной цели освободительного движения — достижении независимости, низвержении испанского колониального господства. «До настоящего времени мы терпеливо сносили своего рода изгнание в самом лоне нашего отечества. Теперь настало время сбросить иго, настолько пагубное для нашего счастья, насколько милое национальной гордости испанцев, — гласил этот документ. — Настало время создать новую систему управления, основанную на интересах нашего отечества, в высшей степени униженно-го подлой политикой Мадрида. Настало, наконец, время поднять знамя свободы в этих несчастных колониях, приобретенных без малейшего права и удерживаемых посредством самой великой несправедливости и тирании»²⁷.

Хунта считала одной из главных своих задач установление союза между креолами, индейцами и испанцами, поддерживавшими восстание. С этой целью в хунту был введен представитель индейцев. Специально созданной комиссией, главную роль в которой играл священник Медина, был выработан так называемый «план управления», который представлял собой своего рода первую конституцию возникшего в Ла-Пасе нового режима; план содержал в себе положения об организации управления, военных и финансовых делах, торговле и т. п., провозглашал также различные права и гарантии, в том числе неприкосновенность собственности, безопасность и свободу личности²⁸.

Стремясь избавиться от налогов и повинностей, восставшие добились отмены ненавистной алькабалы; на городской площади Ла-Паса были сожжены документы королевского финансового ведомства и тем самым аннулирована вся задолженность населения королевской государственной казне; была произведена замена чиновников-испанцев местными уроженцами.

Вице-король Перу Абаскаль направил для подавления восстания в Ла-Пасе войска в количестве 5 тыс. человек во главе с губернатором г. Куско — Гойепече. 1 октября последний овладел Ла-Пасом, потопив здесь в крови освободительное движение. Руководитель его, Мурильо, был предан жестокой казни на городской площади Ла-Паса. В обвинительном заключении против Мурильо говорилось, что руководители восстания в Ла-Пасе «составляли заговор с целью уничтожения законной власти и подстрекали к независимости», распространяли «воззвания и подрывные документы, призывавшие к восстанию другие провинции». На эшафоте Мурильо воскликнул: «Я умираю, но факел, зажженный мной, никто не сможет погасить!»²⁹. Участь Мурильо постигла и его сподвижников — остальных членов хунты. Испанские каратели учинили кровавую расправу над населением города.

Восстания в Чукисаке и Ла-Пасе были изолированы друг от друга и не были поддержаны жителями других областей и городов, что и обусловило, наряду с большим военным превосходством колонизаторов, поражение восставших. Хотя первые вооруженные выступления на Ла-Плате, направленные непосредственно против испанского колониального господства, и потерпели неудачу, тем не менее значение их очень велико. Они подготовили

²⁶ E. Finot. Nueva historia de Bolivia, p. 142, 146.

²⁷ Ibid., p. 143.

²⁸ Ibid., p. 144—146.

²⁹ Ibid., p. 147—148; J. Raffo de la Reta. Lecciones de historia argentina. Buenos Aires, 1946, p. 237.

подъем более мощного движения под теми же лозунгами свободы и независимости.

Восстания в Чукисаке и Ла-Пасе произвели сильнейшее впечатление в Буэнос-Айресе; симпатии патриотических элементов были полностью на стороне их участников. Жестокая расправа Гойенече в Ла-Пасе вызвала как в Буэнос-Айресе, так и во внутренних областях вице-королевства общенародное возмущение против испанских колониальных властей. И без того тревожная атмосфера в Буэнос-Айресе накалилась еще больше. Даже власти «понимали, что испанская колониальная империя начинала повсеместно разрушаться»³⁰.

18 мая 1810 г. вице-король Ла-Платы Сиснерос, не имевший больше возможности скрывать действительное положение вещей в Испании, вынужден был опубликовать манифест, в котором сообщал населению известия о продвижении войск Наполеона далеко на юг Испании, о падении Севильи, о самороспуске Центральной хунты, об образовании Регентского совета в Кадисе и т. п. В том же манифесте вице-король призывал население к «повиновению и порядку»³¹. Однако этот призыв оказался гласом вопиющего в пустыне. Теперь уже не было силы, которая могла бы остановить давно назревавшее развитие событий.

Заметно усилила свою активность группа патриотов Буэнос-Айреса, объединившаяся в тайное общество еще в начале 1810 г.³² В эту группу входили Бельграно, Пенья, Пасо, Виейтес, Кастильи, Чиклана, Террада, Альберти, Френч, Берути и другие решительные революционеры. Именно эта группа патриотов выдвинулась теперь к руководству революционной освободительной борьбой. Особенно активное участие в деятельности тайного патриотического общества принимал М. Бельграно. Будучи редактором газеты «Correo de Comercio de Buenos Aires», он использовал свой дом для собраний участников общества. Чтобы отвлечь внимание испанских властей, Бельграно предупредил вице-короля о том, что эти собрания созываются для обсуждения вопросов, связанных с выпуском редактируемой им газеты³³. По словам Митре, «Бельграно замыслил под сенью литературного общества создать политический клуб для осуществления планов патриотов, и последний стал позже центром организации руководящего комитета революционного движения»³⁴.

К тайному обществу патриотов примкнул и полковник Корнелио Сааведра, возглавлявший главные вооруженные силы креолов. Будучи представителем интересов купцов-монополистов и феодальных элементов внутренних областей, Сааведра стремился если не приостановить полностью, то во всяком случае хотя бы несколько сдержать развитие освободительного движения и высказывался против радикальных мер борьбы, отстаивая компромисс с испанцами³⁵.

В самый день опубликования вице-королем манифеста о событиях в Испании патриоты, входившие в тайное общество, собрались для обсуждения вопроса о дальнейших действиях. Они потребовали от Сиснероса созыва открытого заседания муниципалитета, чтобы на нем решить вопрос о дальнейшей судьбе вице-королевства. Под их энергичным давлением Сиснерос вынужден был заявить: «Поскольку народ не желает меня, а вооруженные силы меня оставили, сделайте, сеньоры, что вам угодно»³⁶.

21 мая на городской площади против здания муниципалитета собралось большое количество жителей Буэнос-Айреса, потребовавших созыва откры-

³⁰ J. Raffo de la Reta. Lecciones de historia argentina, p. 236.

³¹ R. Levene. Lecciones de historia argentina, t. I, p. 428.

³² Ibid., p. 427.

³³ M. Belgrano. Autobiografía y Memorias sobre la expedición al Paraguay y batalla de Tucuman. Buenos Aires, 1942, p. 28.

³⁴ B. Mitre. Historia de Belgrano y la Independencia Argentina. Buenos Aires, 1950, p. 110.

³⁵ I. Nuñez. Noticias históricas, t. I, p. 11—12.

³⁶ J. Raffo de la Reta. Lecciones de historia argentina, p. 258.

того заседания. Реакционные руководители муниципалитета вынуждены были назначить его на 22 мая. В этот день службу на площади несли бойцы батальона буэнос-айресцев, которые препятствовали проходу реакционеров и, наоборот, свободно пропускали на площадь и в муниципалитет подлинных представителей народа. Войска патриотов находились в полной боевой готовности. Было условлено, что если понадобится, то по сигналу Бельграно, данному им с балкона муниципалитета, народ ворвется в здание, чтобы расправиться с теми, кто вздумал бы учинить насилие над его представителями³⁷.

Заседание открылось в 9 час. утра. Состав его участников был следующий: сухопутных и морских офицеров и командиров—60 человек, гражданских служащих—93, священников и монахов—25, лиц свободных профессий (в основном адвокатов)—26, коммерсантов, землевладельцев и имевших горожан — 94³⁸. По своим взглядам все они делились на три группы, или так называемые «партии». «Испанская партия», во главе которой стояли реакционнейшие члены Королевской аудиенсии (высшая судебная инстанция колонии), поддерживаемые епископом Луэ и целой фалангой испанских чиновников, хотела оставить у власти вице-короля Сиснероса с тем только, чтобы члены аудиенсии «помогали» ему управлять страной. Вторая «партия», находившаяся под влиянием алькальдов и членов муниципалитета и поддерживаемая частью патриотов, занимала примиренческую позицию; она считала нужным, чтобы до образования временного правительства, зависимого от Испании, власть была передана в руки муниципалитета. Третью «партию» составляло большинство патриотов, считавших необходимым немедленное отстранение вице-короля от власти и организацию собственного независимого правительства. Однако внутри этой «партии» имелись две группировки. Если Сааведра был за то, чтобы поручить муниципалитету создание нового правительства, то Кастаньи считал, что оно должно быть избрано здесь же и немедленно³⁹.

В зале заседания царил напряженный обстановка. Собравшиеся на площади перед зданием муниципалитета также с огромным вниманием следили за разворачивающимися прениями.

Первым выступил мракобес епископ Луэ, нагло утверждавший, что до тех пор, «пока в Испании существует хоть один клочок земли, управляемой испанцами, этот клочок земли должен распоряжаться Америкой; пока будет существовать в Америке хотя бы один испанец, этот испанец должен управлять американцами»⁴⁰.

Вторым выступил революционный трибун Кастаньи, заявивший, что, поскольку Испания утратила свою власть над Америкой, ее представители на Ла-Плате также лишились этой власти, полученной ими от метрополии. Вследствие этого народ должен образовать собственное правительство, которое заботилось бы о безопасности Ла-Платы.

С блестящей речью против сторонников сохранения колониального режима выступил один из виднейших деятелей тайного общества патриотов адвокат Х. Х. Пасо. Он заявил, что последнее слово о судьбе Ла-Платы должен сказать генеральный конгресс всех провинций вице-королевства. Однако, исходя из конкретной действительности, а не из отвлеченных теорий, продолжал он, в создавшейся обстановке открытое заседание муниципалитета Буэнос-Айреса, как старшего брата других муниципалитетов вице-королевства, может принять в их отсутствие решение, относящееся к общему положению. Для того же, чтобы предполагавшийся конгресс был законным и обладал подлинной силой, он должен быть избран свободно, а не под давлением и контролем тех, кто ныне стремится любым

³⁷ М. Belgrano. Autobiografía..., p. 29.

³⁸ «Historia de la Nación Argentina», t. V, 2 sección, p. 23.

³⁹ B. Mitre. Historia de Belgrano..., p. 117.

⁴⁰ «Historia de la Nación Argentina», t. V, 2 sección, p. 31—32.

путями сохранить свою власть. В заключение Пасо сказал, что надо без промедления отстранить вице-короля от власти и создать собственное правительство Ла-Платы⁴¹.

Проведенное после горячих споров голосование, в котором приняло участие 224 человека, дало следующие результаты: за оставление вице-короля у власти было подано 69 голосов, за его отстранение — 155⁴².

По вопросу же об образовании нового правительства большинство голосов получило предложение Сааведры. Оно предусматривало, что до тех пор, пока не будет создана временная «корпорация или хунта» как высший орган власти, управление страной поручается муниципалитету; кроме того, указывалось, что «образование этой хунты должно быть произведено таким способом и в такой форме, которые сочтет подходящим кабильдо»⁴³. Это означало, что муниципалитет, находившийся под контролем реакционеров, получал полную свободу действий для организации новой власти.

Однако реакционные группировки муниципалитета, игнорируя решение об отстранении вице-короля, в течение 23 и 24 мая принимали меры, чтобы сохранить власть Сиснероса. 24 мая муниципалитет по их предложению образовал хунту из пяти человек во главе с вице-королем Сиснеросом, сохранившим одновременно верховное командование вооруженными силами. Чтобы обмануть бдительность патриотов, в эту хунту были включены Сааведра и Кастильи. Однако население Буэнос-Айреса, возмущенное происками «испанской партии», вышло на улицы. Войска склонялись к выступлению вместе с народом против реакционеров, засевших в кабильдо. Именно народ положил конец колебаниям патриотов — поддержать или отвергнуть назначенную муниципалитетом хунту — и проискал контрреволюции.

«Испанская партия» поняла невозможность навязать народу созданную муниципалитетом хунту. Сиснерос вынужден был заявить о своем отказе войти в нее. Еще до этого отказались сотрудничать в этой контрреволюционной хунте Кастильи и Сааведра.

25 мая жители Буэнос-Айреса с раннего утра снова стали заполнять площадь перед муниципалитетом и прилегающие к ней улицы и переулки⁴⁴. Руководители революционной молодежи Френч и Берути раздавали собравшимся ленты бело-голубого цвета, являвшиеся отличительными знаками патриотов во время борьбы против английских вторжений; эти же цвета в дальнейшем стали флагом Аргентинской республики.

Кабильдо засадал при закрытых дверях. Собравшиеся на площади стали занимать коридоры муниципалитета, стучать в двери зала заседания, заявляя, что «народ хочет знать, о чем идет речь»⁴⁵. В связи с тем, что атмосфера все больше накалялась и становилась угрожающей для членов муниципалитета, они вынуждены были принять народные требования. Была образована «Временная правительственная хунта Ла-Платы», в состав которой вошли председатель К. Сааведра, секретари М. Морено и Х. Х. Пасо, члены М. Бельграно, Х. Х. Кастильи, М. Аскуэнага, М. Альберти, Д. Матео, Х. Ларреа.

Таким образом, волей населения Буэнос-Айреса Ла-Плата 25 мая 1810 г. создала собственное правительство и добилась освобождения от трехсотлетнего испанского колониального господства. Майские события 1810 г. в Буэнос-Айресе получили название «Майской революции», а день 25 мая стал национальным праздником аргентинского народа.

Новое патриотическое правительство начало свою работу в очень тяжелых условиях. Весь государственный аппарат управления, оставшийся в

⁴¹ «Historía de la Nación Argentina», t. V, 2 sección, p. 36.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ H. G. Ramos Mejía. Historia de la Nación Argentina, t. I. Buenos Aires, 1945, p. 89.

⁴⁵ «Historía de la Nación Argentina», t. V, 2 sección, p. 46.

наследство от бывшего вице-королевства, был заполнен противниками революционного режима. Муниципалитет Буэнос-Айреса оставался в руках испанских контрреволюционных элементов. Реакционеры окопались в Королевской аудиенсии и в трибунале святой инквизиции. Центром притяжения всех контрреволюционных сил стал бывший вице-король Сиснерос, оставшийся в Буэнос-Айресе. В провинции таким центром притяжения реакции явился его предшественник, также бывший вице-король Лянье, резиденция которого находилась в Кордове. Кроме того, губернаторы внутренних областей страны и почти все провинциальные муниципалитеты не поддерживали революционное правительство Буэнос-Айреса или даже выступали против него⁴⁶. В руках реакционеров находились также ключевые позиции экономики страны.

Главная цель революционного правительства состояла в обеспечении независимости Ла-Платы и создании нового государственного строя⁴⁷. Хунта патриотов стремилась распространить свою власть на все провинции страны, подавить контрреволюционные элементы. Кроме того, она стала готовить выступление против колониальных вооруженных сил Испании, цитаделью которых было Перу. Хунта, и прежде всего ее революционная часть, возглавлявшаяся Морено, стала энергично проводить необходимые для этих целей мероприятия: был издан приказ о реквизиции оружия у населения, практически направленный против испанских заговорщиков; главный очаг испанской контрреволюции — аудиенсия была фактически ликвидирована путем высылки с Ла-Платы ее членов; вместе с ними был выслан и бывший вице-король Сиснерос; одному из наиболее ярых вдохновителей реакции — епископу Луэ было запрещено выступать с проповедями в церквах; члены буэнос-айресского муниципалитета, тайно принесшие клятву верности испанскому Регентскому совету, также были высланы в отдаленные от Буэнос-Айреса места; сам муниципалитет был реорганизован и его состав обновлен⁴⁸.

Хунта вела также большую работу в экономической области. Было решено составить новый общий торговый регламент, который сочетал бы либеральные положения о торговле с выгодой для страны и не допускал какой бы то ни было зависимости от заграницы⁴⁹. Был принят закон об иммиграции, который призывал иностранцев, желавших заняться ремеслом или земледелием, свободно обосновываться в стране, обещая им полные и равные со всеми ее гражданами права.

Всячески поощряя торговлю с иностранными государствами (и прежде всего с англичанами), Морено в то же время призывал свой народ быть бдительным в отношении возможных поползновений к захвату ими лаплатских территорий. «Дружелюбно принимая иностранцев, — говорил он, — мы учимся у них всему лучшему из их цивилизации, перенимаем достижения их промышленности и уступаем им сырье, которым природа нас щедро одарила. Но, — добавлял Морено, — не следует впадать в ошибку тех народов, которые позволили надеть на себя кандалы более мощных стран»⁵⁰.

Было решено поставить шесть мостов на дороге из столицы в г. Энсенеду. Впервые в Буэнос-Айресе начал действовать оружейный завод. В связи с тем, что происходил большой и беспорядочный убой скота, вызванный ростом цен на сало, хунта приняла решение, согласно которому убой овец и крупного рогатого скота мог производиться лишь по разрешению местных органов власти. Был издан также декрет, по которому ростовщики не имели права взимать с земледельцев более 6% от взятой у них ссуды.

⁴⁶ «Historia de la Nación Argentina», t. V, 2 sección, p. 66—67.

⁴⁷ См. E. Evheverría. Mayo y la enseñanza popular en el Plata.— «Obras escogidas». Buenos Aires, 1954, p. 332.

⁴⁸ «Historia de la Nación Argentina», t. V, 2 sección, p. 167.

⁴⁹ Ibid., p. 268.

⁵⁰ Ibid., p. 272.

Патриотическая хунта проделала также значительную работу в области культуры. Уже на седьмой день после своего образования хунта, по предложению Морено, издала декрет об основании и издании печатного органа «Gaceta de Buenos Aires». Морено считал, что основной задачей газеты является правдивая информация и воспитательная работа среди населения. Печати была предоставлена полная свобода слова при одном лишь условии, чтобы эта свобода не была использована против государства (т. е. нового режима) и религии.

Хунта поручила новому муниципалитету Буэнос-Айреса подготовить реформу начальной школы, повысила жалованье учителям с 400 песо в год до 600, предусмотрела выделение средств на строительство школьных зданий и т. п.

Большая работа была проделана и по обновлению административного аппарата. Представители старого колониального режима заменялись сторонниками новой власти, на административные должности выдвигались способные люди. Декретом от 3 декабря 1810 г. было запрещено назначать на государственные посты лиц, родившихся вне провинций Ла-Платы. 6 декабря был издан новый декрет, содержащий целый свод демократических правил, которым должно было следовать дальнейшее административное развитие страны⁵¹.

Большое внимание хунта, естественно, уделяла вопросам, касающимся вооруженных сил. Батальоны, созданные в период отражения английской интервенции, были реорганизованы в полки; был проведен призыв всех не имевших определенных занятий и не находившихся в армии мужчин в возрасте от 18 до 40 лет; офицеры-индейцы, которые до этого могли служить только в «черных» или «коричневых» частях, теперь стали включаться в креольские батальоны; благодаря этому армия демократизировалась и между креолами и так называемыми «цветными» устанавливались начала равенства. Для обучения офицеров была открыта Математическая школа. Проводились и другие мероприятия, служившие укреплению и демократизации молодых вооруженных сил страны.

Народные массы Ла-Платы, надеясь на облегчение своего положения, активно выступали в поддержку нового правительства. Они с энтузиазмом вступали в революционные войска.

На плечи нового правительства ложилась важная задача объединения под властью революционной буэнос-айресской хунты всех территорий бывшего вице-королевства и защиты их от возможных карательных экспедиций со стороны Испании. Для выполнения этой задачи хунта стала готовить военные экспедиции во внутренние области Ла-Платы, а также в Верхнее Перу, Парагвай и Монтевидео.

Первая экспедиция была направлена хунтой во внутренние области страны. Личный состав этой экспедиционной армии состоял в основном из добровольцев. Содержалась она на добровольные пожертвования населения и за счет средств, предназначавшихся на жалованье испанским чиновникам.

Узнав о выходе из Буэнос-Айреса экспедиционной армии, контрреволюционные происпанские элементы во главе с бывшим вице-королем Линье, губернатором Кордовы Х. Г. де ла Конча и епископом этой провинции Орельяна спешно стали готовиться к вооруженному сопротивлению патриотам. Однако при приближении экспедиции заговорщики, видя, с каким энтузиазмом простой народ встречает освободительную армию, и не имея на своей стороне сколько-нибудь значительных сил, решили бежать из Кордовы в Верхнее Перу, оплот испанских роялистов. Одному из отрядов экспедиционной армии удалось захватить в плен руководителей заговора. 26 августа 1810 г. Линье, Конча и другие контрреволюционеры были рас-

⁵¹ I. Nuñez. Noticias históricas, t. II, p. 14—15.

стреляны в местечке Кабеса-дель-Типре. В то же время, считаясь с религиозными чувствами населения, патриоты помиловали епископа Орельяна.

Организовав в Кордове новое управление, экспедиционная армия двинулась далее на север, в направлении Верхнего Перу. Всюду местное население встречало с энтузиазмом армию патриотов. В провинциях Кочабамба и Оруро, в тылу испанских колониальных войск, начались народные восстания. Командование экспедиционной армии поспешило установить контакт с руководителями повстанцев.

7 ноября 1810 г. при Суипача произошло крупное сражение, в котором испанские роялисты были разбиты наголову. В плен к патриотам попали командовавшие роялистскими войсками маршал Ньето, генерал Кордоба и губернатор Верхнего Перу Паула Санс. По приказу Кастильи, уполномоченного хунты в экспедиционной армии, они также были немедленно расстреляны⁵².

Последствия битвы при Суипача были очень важными: во-первых, это была первая крупная победа восставших, которая подняла дух не только солдат экспедиционной армии, но и патриотов всей страны; во-вторых, в результате этой победы практически все Верхнее Перу оказалось под властью буэнос-айресской хунты. Все четыре интендантства Верхнего Перу заявили о своей приверженности революции. Центр добычи драгоценных металлов — г. Потоси со всеми его экономическими ресурсами, с монетным двором и огромными богатствами перешел в руки той же хунты.

После победы Кастильи приступил к проведению в Верхнем Перу целого ряда важных прогрессивных мероприятий, касавшихся местного населения. Они состояли во введении свободы торговли и поселения в городах, ликвидации феодальных повинностей и податей, взимавшихся с индейцев, открытия для них специальных школ, замене испанских чиновников местными уроженцами и т. п.⁵³ Последствия этих мероприятий были значительны.

Если со стороны широких слоев трудового населения, а также купечества и некоторой части креольских помещиков меры, проводившиеся Кастильи, находили горячую поддержку, то, напротив, со стороны местных реакционных сил в лице крупных латифундистов, испанских чиновников и особенно представителей католического высшего духовенства они встречали упорное сопротивление. Это сыграло свою роль в дальнейшей борьбе прогрессивных и реакционных сил страны.

Сложность обстановки, в которой приходилось действовать Патриотической хунте, в значительной степени усугублялась тем, что внутри хунты не только не было единства взглядов по важнейшим вопросам развития страны, но даже развернулась открытая ожесточенная борьба. Революционным, прогрессивным мероприятиям Морено тайно противодействовал ненавидевший его и представлявший консервативное крыло Сааведра. Общий язык с Сааведрой быстро нашел Грегорио Фунес, декан кордовского собора, ставший признанным вожаком реакционных депутатов внутренних областей. В момент открытой активизации реакционных элементов в правительстве и среди депутатов провинций у Морено не хватило смелости обратиться за поддержкой к народу и он подал 18 декабря 1810 г. в отставку; группа Сааведры — Фунеса поспешила принять ее. Торжествуя победу, Сааведра писал в одном из писем об устранении Морено: «Робеспьеристская система, которую желали применить здесь, подражание Французской революции, которую пытались взять за образец, благодаренье богу, — исчезли»⁵⁴.

Борьба внутри Патриотической хунты, отстранение Морено и торжество реакции отрицательно отразились на войсках Северной армии, сражавшей-

⁵² «Historia de la Nación Argentina», t. V, 2 sección, p. 175.

⁵³ Ibid., p. 287.

⁵⁴ E. Ruiz-Guiñazú. Epifanía de la libertad. Documentos secretos de la revolución de Mayo. Buenos Aires, 1952, p. 384.

ся в Верхнем Перу. Между отдельными военачальниками возникло недоверие. Дисциплина в армии падала. Все это быстро сказалось на боеспособности войск патриотов. Роялисты были хорошо осведомлены через свою агентуру о расприх в Буэнос-Айресе и армии патриотов и решили воспользоваться ими для восстановления своего господства.

В битве при Уаки 20 июня 1811 г. армия патриотов потерпела жестокое поражение. Уцелевшие ее части вынуждены были отступить далеко на юг, до г. Жужуя. Все Верхнее Перу оказалось потерянным для патриотов Ла-Платы.

Теперь в Верхнем Перу борьбу против испанских колонизаторов вели лишь отдельные партизанские отряды из местных жителей под начальством таких прославившихся в боях против роялистов командиров, как М. А. Падилья, А. де Ареналес, Камарго и др.⁵⁵

Поражение при Уаки всколыхнуло всю Ла-Плату. Сааведра, отправившийся на север инспектировать национальную армию, был вскоре отстранен правительством Буэнос-Айреса от командования войсками⁵⁶. В результате ожесточенной внутренней борьбы 23 сентября 1811 г. в Буэнос-Айресе был образован Триумvirат, в руки которого перешла вся исполнительная власть. Одним из его секретарей стал Бернардино Ривадавия, сыгравший в дальнейшем выдающуюся роль в освободительной борьбе и бывший фактически организатором всей деятельности первого Триумvirата.

В это же время активную деятельность развило «Патриотическое общество», душой которого был Бернардо Монтеагудо, один из руководителей восстания в Чукисаке в 1809 г. К «Патриотическому обществу» примыкала и тайная организация (ложа) Хулиана Альвареса. Монтеагудо и Альварес, горячие поклонники идей Морено, шли в своих взглядах гораздо дальше, чем их учитель. Они считали необходимым при данных условиях установить на Ла-Плате диктатуру наиболее революционных элементов.

Поддавляя сопротивление реакционных сил, Триумvirат провел целый ряд прогрессивных мероприятий. Так, была ликвидирована Королевская аудиенсия; отменено пожизненное назначение советников муниципалитета, хозяевам ремесленных мастерских было вменено в обязанность принимать в качестве цеховых учеников детей местных уроженцев; отдано распоряжение о проведении подготовительных работ, которые облегчили бы в дальнейшем распределение земельных участков среди безземельных лиц; принимались первые меры по запрещению ввоза рабов. В одном из декретов говорилось о наделении землей иностранцев, желавших заниматься хлебопашеством и разработкой недр, о свободном ввозе оборудования и инструментов для таких разработок и обработки земли и т. д.⁵⁷

Однако обстановка складывалась неблагоприятно для проведения всех этих мер в жизнь. После победы при Уаки испанские войска из Верхнего Перу продвинулись далеко на юг. Роялисты разработали даже план полного разгрома революционных сил Ла-Платы. Согласно этому плану, испанские войска с севера должны были дойти до Тукумана и, координируя свои действия с испанскими силами, находившимися в Монтевидео, осуществить совместный захват Буэнос-Айреса.

Триумvirат направил в Северную армию Бельграно. Перед ним была поставлена задача привести в порядок революционные войска, поднять их моральный дух и дисциплину и затем преградить испанцам путь на Буэнос-Айрес.

Бельграно вместе с Северной армией отступал до Тукумана. Здесь отступление было приостановлено, и начались работы по укреплению города и подготовке к сопротивлению на его рубежах.

⁵⁵ A. Yunque. Breve historia de los argentinos. Buenos Aires, 1957, p. 161.

⁵⁶ После этого Сааведра некоторое время находился в провинции Сан-Хуан, а затем иммигрировал в Чили. Через несколько лет он вернулся на Ла-Плату, но никакой политической роли больше не играл.

⁵⁷ M. Cárcano. Evolución histórica del régimen de la tierra pública, p. 19.

ХОСЕ ДЕ САН-МАРТИН

24 сентября 1812 г. под стенами Тукумана Бельграно дал бой роялистским войскам. Несмотря на двукратное количественное превосходство испанцев, они потерпели полное поражение. Эта победа патриотов спасла положение: угроза Буэнос-Айресу миновала. Остатки испанских войск стали поспешно отступать на север.

В том же 1812 г., но еще до победы под Тукуманом, на Ла-Плату вернулся из Испании один из самых выдающихся героев освободительной борьбы народов Южной Америки — Сан-Мартин. Буквально через неделю после своего прибытия он предложил правительству Буэнос-Айреса сформировать полк конных гренадер, который в дальнейшем сыграл значительную роль в развитии молодых революционных регулярных вооруженных сил Аргентины. С этим полком 3 февраля 1813 г. в бою при Сан-Лоренсо Сан-Мартин одержал свою первую победу над испанскими роялистскими войсками.

Тем временем потерпевшие поражение под Тукуманом испанские войска отступили к Сальте, откуда они предполагали, переформировавшись и получив подкрепления, вновь выступить на юг. Однако Бельграно не дал им возможности осуществить свои планы. Он двинул войска на север. После упорного боя под Сальтой 20 февраля 1813 г. командующий роялистскими силами генерал Пио Тристан капитулировал. В плен к Бельграно попало 3 тыс. человек, патриоты захватили большое количество вооружения и снаряжения. Бельграно потребовал от капитулировавших испанских войск клятвы, что они никогда больше не поднимут оружия против патриотов, и после этого отпустил их всех на свободу. Однако, сделав это, он допустил большую ошибку. Испанцы не сдержали своего слова и в битвах при Вилькапухио (1 октября 1813 г.) и Айоума (26 ноября того же года), использовав отпущенные Бельграно из плена части, нанесли патриотам жестокое поражение. Разбитая роялистами революционная армия вновь отступила на юг, достигнув к концу года г. Жужуя. Отсюда Бельграно проследовал в Тукуман. Здесь он впервые встретился с Сан-Мartiном, которого буэнос-айресское правительство назначило к тому времени новым командующим Северной армией. Эта встреча положила начало дружбе между двумя великими аргентинскими патриотами. Здесь же Сан-Мартин встретился с Мартином Гуэмесом, прославленным героем «войны гаучо».

Приняв пост командующего Северной армией (29 января 1814 г.), Сан-Мартин горячо взялся за работу. Он быстро сумел водворить в ней дисциплину и поднять ее боеспособность.

С самого начала революции на Ла-Плате Сан-Мартин считал, что полная независимость его родины будет обеспечена лишь в том случае, если Аргентина не будет одинока, т. е. если будут разбиты основные, главные силы испанской монархии в Америке, если получат свободу и другие страны южноамериканского континента. Главные же силы колонизаторов находились в Перу — этом оплоте испанского колониального могущества, и прежде всего в столице вице-королевства Перу — Лиме.

Находясь в Тукумане, Сан-Мартин пришел к твердому убеждению, что нельзя добиться освобождения Америки от испанского ига, ведя борьбу с королевскими войсками на территории нынешней Боливии. Победы можно было добиться, по его мнению, лишь перенеся борьбу в район Чили и Тихоокеанского побережья.

Этот свой план Сан-Мартин изложил в письме от 22 апреля 1814 г. к своему близкому другу Николасу Родригесу Пенья. Он писал: «Отечество не сделает в этой северной стороне ничего такого, что являлось бы чем-то большим, чем оборонительная война; для этого же достаточно храбрых гаучо Сальты и двух эскадронов хороших ветеранов. Думать о другом — это делать долги, бросая в бездонную пропасть людей и деньги. Я уже открыл Вам «мою тайну»: нужна небольшая и хорошо дисциплинированная армия в Мендосе, чтобы пройти в Чили и покончить там с готами (испанцами. — А. Ш.), поддерживая правительство надежных друзей, чтобы покончить

также с царствующей там анархией. Объединив вооруженные силы (Аргентины и Чили.— А. III.), мы пройдем морем к Лиме: именно это является нужным путем, а не что иное. Согласитесь, что до тех пор, пока мы не будем в Лиме, война не окончится»⁵⁸.

В августе 1814 г. Сан-Мартин был назначен губернатором граничившей с Чили провинции Куйо, где со всей присущей ему страстью и настойчивостью начал создавать регулярную освободительную армию, предназначенную осуществить его гениальный план.

Между тем в самом Буэнос-Айресе не прекращалась борьба между прогрессивными силами и представителями реакции. Наряду с патриотами здесь действовали члены аристократических семей, помещиков и купцов, очень далеких от идеалов Майской революции; наряду с низшим духовенством, жившим жизнью народа, в Буэнос-Айресе существовало и вело свою подрывную работу реакционное большинство церковной верхушки. Острые споры и непрерывные столкновения различных классовых и социальных групп и группировок были причиной неустойчивости буэнос-айресских правительств, что отрицательно сказывалось на боеспособности армии.

В конце 1815 г. Северная армия понесла жестокое поражение в битве при Сипе-Сипе. Это поражение вновь открывало для испанских войск путь в северные области страны. К военной опасности и внутреннему хаосу прибавлялись к тому же теперь и внешние трудности.

В Европе после разгрома Наполеона хозяйничал Священный союз, вдохновлявший реакцию во всех странах. В Испании на трон возвратился кровавый Фердинанд VII, восстановивший там снова абсолютистские порядки и готовивший крупную военную экспедицию против восставших колоний. Освободительное движение в испанских колониях в Америке в целом переживало тяжелый период. В Мексике оно потерпело временное поражение; в Венесуэле и Новой Гранаде патриоты были разбиты; в Чили испанские роялисты также овладели положением. Лишь Ла-Плата была свободна от испанских войск.

В такой обстановке 24 марта 1816 г. в Тукумане открылся Национальный конгресс Объединенных провинций Ла-Платы. Сан-Мартин торопил депутатов конгресса с провозглашением независимости Объединенных провинций. В письме к своему другу депутату конгресса Томасу Годю Круссу Сан-Мартин писал: «До каких пор мы будем ждать провозглашения независимости? Не кажется ли Вам смешным чеканить монету, иметь национальный флаг и герб и, наконец, вести войну с сувереном, от которого мы в то же время считаемся зависимыми, и оставаться подопечными врагов»⁵⁹.

9 июля 1816 г. Тукуманский конгресс единодушно принял декларацию о независимости страны⁶⁰. В ней, в частности, говорилось, что «согласно единодушной воле Объединенных провинций Южной Америки разрывающиеся насильственные узы, связывающие Объединенные провинции с королями Испании, возвращаются отнятые права и Ла-Плата превращается в свободную нацию, независимую от короля Фердинанда VII, его преемников и метрополии»⁶¹.

Таким образом, страна, наконец, объявлялась независимой и юридически, хотя фактически она являлась таковой уже с 25 мая 1810 г.

Провозглашение независимости Объединенных провинций Ла-Платы имело опромное историческое значение, далеко выходявшее за пределы Аргентины. Оно укрепило боевой дух народов Ла-Платы и вдохнуло надежду в сердца народов других областей Южной Америки и Мексики в их тяжелой борьбе за свое освобождение.

⁵⁸ «Actas del Congreso nacional de historia del Libertador general San Martin». t. I—IV. Mendoza, 1953—1955, t. IV, p. 327.

⁵⁹ A. Único e. Breve historia de los argentinos, p. 176.

⁶⁰ День 9 июля также является национальным праздником аргентинского народа.

⁶¹ «La Nación». Buenos Aires, 7.VII.1957.

Вместе с тем наиболее прогрессивные руководители освободительной борьбы Ла-Платы, такие, как Сан-Мартин, Бельграно, Монтеагудо и другие, понимали, что для того, чтобы удержать и укрепить завоеванную свободу родины, необходимо помочь освободиться от испанского колониального господства своим братьям в соседних странах, разбить главные силы метрополии в Америке. И народ Ла-Платы под руководством Сан-Мартина, напрягая все свои силы, создал славную Андскую армию, победоносный поход которой помог освобождению всей Южной Америки от испанских колонизаторов.

Война за независимость, являвшаяся по существу буржуазной революцией, выполнила одну из главных стоявших перед ней задач: она уничтожила колониальный режим и обеспечила Ла-Плате политическую независимость и самостоятельное государственное существование. В этом заключается ее важнейшее прогрессивное значение. Война за независимость не привела к полной ликвидации феодальных порядков, к коренным социально-экономическим изменениям. Освободительная борьба 1810—1816 гг. на Ла-Плате явилась одной из «волн» такой буржуазной революции, «которая бьет старый режим, но не добывает его»⁶². Земля как была, так и осталась в руках помещиков-латифундистов. Церковные богатства и привилегии духовенства также сохранились. Индейцы, негры, метисы — все трудящееся население по-прежнему подвергалось жестокой эксплуатации и фактически оставалось бесправным.

Вместе с тем война за независимость, наряду с уничтожением колониального режима, что само по себе имело историческое значение, привела к разрешению некоторых задач буржуазной революции; она положила начало формированию аргентинской нации, были уничтожены рабство, многие формы принудительного труда, феодальные институты и ограничения, сковывавшие хозяйство Ла-Платы. Все это создавало более благоприятные условия для дальнейшего экономического развития страны, для роста капиталистических отношений.

Борьба за независимость потребовала от народа Ла-Платы предельного напряжения всех его духовных и материальных сил. Война, навязанная южноамериканцам испанскими колонизаторами, стремившимися к сохранению и восстановлению своего господства, принесла неисчислимые потери материальных ценностей; она унесла многие тысячи жизней. Освободительная борьба вылилась в войну широких масс населения против колонизаторов. Именно трудовой народ внес решающий вклад в завоевание независимости Ла-Платы.

Майская революция в Буэнос-Айресе, поднявшая аргентинский народ на вооруженную героическую борьбу за национальную независимость, заложила основы суверенного государственного существования Ла-Платы. Она оказала исключительное влияние на весь дальнейший ход исторического развития Аргентины, способствовала продвижению страны вперед по пути к прогрессу.

⁶² В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 182.